

УДК 930"04/14"

КОНЦЕПЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СВЯТОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н.Ю. Бикеева

Аннотация

Автор анализирует вклад современной мировой историографии по изучению феномена раннесредневековой святости. В статье показано влияние новых точек зрения на понимание сущности политической, культурной, религиозной и социальной истории. Показано воздействие лингвистического и гендерного подходов на исследование данной проблемы. Автор также делает вывод о возможностях и особенностях современной отечественной историографии по данному вопросу.

Изучение феномена святости имеет очень давние традиции в историографии, в русле так называемой религиозной истории. Начало было положено Обществом болландистов¹, которые осуществляли публикации Житий святых и их анализ. Но исследования болландистов в значительной степени исходили из признания почитания святых в качестве особого, замкнутого на себе религиозного и духовного явления, суть которого может быть понята только в сфере церковной жизни и теологической мысли.

Интерес к данной проблематике не снижается и по сей день. Более того, в последние десятилетия изучение святости и культов святых приобрело статус зоны особого интереса в европейской, а затем и в североамериканской историографии. Однако в исследованиях подобного рода произошли значительные изменения. С одной стороны, это объясняется новыми взглядами на понимание предмета и задач религиозной истории. Как указывает Л.П. Репина, религиозная история сегодня – «это не история церкви как института, ... и не история официальной церковной доктрины, ... и даже не история ересей и религиозных сект... Это история религиозного сознания и мышления – разделяемых духовенством и мирянами верований и идеалов, выступающих как один из решающих факторов личностной и групповой ориентации»².

С другой стороны, новизна современных подходов к изучению данной проблематики заключается в том, что сегодня все больше исследователей считают, что феномен святости и культ святых не был явлением чисто церковным, его функционирование не ограничивалось пространством религиозного сознания.

¹ Болландисты – небольшая группа бельгийских иезуитов, издающих и публикующих Acta Sanctorum, собрание биографий и легенд святых, расположенных в соответствии с их праздничными днями. В 1643 г. под руководством Жана Болланда были изданы два первых январских тома.

² Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. – М., 2004. – С. 273.

Ведь монахи и святые жили не в замкнутом мире. Святыми не рождаются, а становятся, соответственно, в монастырь приходят из мира. Вообще, по мнению известного французского историка, современного представителя школы «Анналов», Жан-Клода Шмитта, четкое отделение религиозной (сакральной) сферы от мирской (профанной) в отношении периода средневековья невозможно: «понятие сакрального и противопоставление “сакральное-профанное”... применяются не всегда обдуманно»¹. Поэтому, феномен святости не может быть изолирован от истории общества.

Очевидно, что, как и любые другие явления жизни людей, святые и представления о святости не могут быть адекватно поняты, если рассматривать их только в контексте изучения христианской религии, в отрыве от общей картины мира, присутствующей в сознании средневековых людей. Сам святой воспринимался людьми той эпохи как дуалистическая по своей природе фигура: он принадлежал и миру людей, и миру сверхъестественных существ.

Поэтому в современных исследованиях святость рассматривается прежде всего как важный аспект раннесредневековой картины мира. Не случайно именно ей посвящена отдельная глава в «Словаре средневековой культуры»², содержащем статьи, посвященные реалиям и понятиям, употреблявшимся в средневековую эпоху. Как отмечает М.Ю. Парамонова, автор статьи о святости в этом словаре, хотя «святым считается человек, удостоенный церковью этого звания, являющийся объектом официального церковного поклонения»³, применительно к западному средневековью это формальное определение справедливо лишь отчасти. На Западе сосуществовали, не всегда гармонично, святые, признанные церковью, со святыми, ею не признаваемыми, но популярными в народе.

Оживленная дискуссия началась в европейских научных кругах с середины 60-х годов XX века, когда многие исследователи политической и социальной истории средних веков обратились к поиску новых источников, которые могли бы представить информацию дополнительно к той, что уже была в научном обиходе. Во многом это было вызвано желанием обнаружить новый смысл в текстах религиозного характера (в частности в агиографических, т. е. в Житиях Святых), которые кроме как историками религии никем прежде не использовались. Как отмечал позднее американский исследователь Томас Хеффернан⁴, агиографические тексты незаслуженно игнорировались вследствие гипертрофированного стремления исследователей социальной и политической жизни средневековья к документальному подтверждению фактов.

Революционной по своему характеру работой, посвященной агиографии, стала вышедшая в 60-х годах XX века монография чешского ученого Франтишека Грауса «Народ, Правитель и Святой в королевстве Меровингов»⁵. Сегодня она уже признана классической и без ссылок на нее не обходится не одна работа, посвященная западной агиографии меровингской эпохи (т. е. VI – VIII вв.).

¹ Шмитт Ж.-К. Понятие сакрального и его применение в истории средневекового христианства // Мировое древо. Arbor Mundi. – М., 1996. – № 4. – С. 75; см. также: Шмитт Ж.-К. Сакральное // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. – М., 2003. – С. 446–450.

² Парамонова М.Ю. Святые // Словарь средневековой культуры. – С. 467–478.

³ Там же. – С. 467.

⁴ Heffernan T. Sacred Biography, Saints and their Biographers in the Middle Ages. – N. Y., 1988.

⁵ Graus F. Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger. – Prag, 1965.

Именно Ф. Граус одним из первых обосновал тезис о том, что агиографические памятники имеют ценность не только для исследований по истории религии, их необходимо использовать также для воспроизведения картины общественных ценностей. При этом автор не отрицал литературную природу исследуемых текстов. Для методики исследования чешского ученого характерно стремление привлечь как можно больше житийных текстов меровингской эпохи.

Другим важным направлением в агиографии стал подход, предложенный бельгийским историком Пьером Делузом, основанный на исследовании не многих святых, как это делал Граус, но на тщательном разборе отдельных персонажей и даже отдельных памятников¹.

Постепенно исследователи феномена святости стали привлекать не только Жития, но и другие виды источников, такие как собрания чудес, литургий, гимнов, с одной стороны, и мартирологов, сборников легенд, собраний примеров – с другой. Ученые стали обращаться к таким проблемам, как восприятие и значение чуда и чудесного в средневековом обществе², физическое и психическое здоровье, которые рассматривались на материале рассказов о чудесах и правовых казусах.

В условиях «лингвистического поворота» и «семиотического вызова» рубежа 80–90-х годов в исследованиях феномена святости стало вырисовываться новое направление, которое анализирует жития и легенды о святых как произведения особого средневекового литературного жанра. В этой связи историки данного направления подчеркивают, что идеологическая и образная ткань текстов обладает определенной автономностью по отношению к социально-культурному контексту как таковому. Изображая своих героев, авторы агиографических сочинений во многом следуют чисто литературным и риторическим правилам, сложившимся в рамках этого жанра. Но в то же время эти образы воплощают представления современников о том, каким должен быть святой, и если не задают поведенческие образцы, то отражают существовавшие стереотипные представления о святости³.

Таким образом, в последние десятилетия отношение к средневековым культурам святых сильно изменилось. Исследователи начали рассматривать их как существенный элемент социальной жизни средневековья. Агиография стала сферой социальных и социально-культурных исследований.

В культах святых и фигуре святого ученые увидели феномен, способный по-новому осветить важнейшие черты религиозной и социальной жизни, выявить лежащие в ее основе системы ценностей и норм поведения. В новейших исследованиях были сформулированы некоторые принципиальные признаки святости как концепта средневековой культуры, выявлены закономерности создания образа святого и техника его воздействия на социальное, в том числе и массовое, сознание.

¹ См. в кн.: *Омельницкий М.* Образ святого в англосаксонской литературной и агиографической традиции. – М., 1997. – С. 6.

² См., например: *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / Пер. с фр.; Общ. ред. С.К. Цатуровой. – М., 2001. – 440 с.

³ Об этом, в частности, см.: *Арнаутова Ю.Е.* Житие как духовная биография: к вопросу о «типическом» и «индивидуальном» в латинской агиографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2001. – Вып. 5.

Иную исследовательскую парадигму представляет изучение культов святых в контексте социальных практик и поведения, т. е. того, что может быть обозначено как «система социальной коммуникации». Культы святых были, с одной стороны, особым типом социальных и религиозных практик средневековья, занимавших значительное место в повседневной жизни людей и в церковной деятельности. Образ святого был наделен функциями патроната, т. е. защиты и покровительства сообщества, нередко перераставшими в отношения политического господства. Одним из первых, кто обнаружил, что в представлениях о святых и их культах воспроизводились социальные модели патроната и одновременно моделировались новые формы социальных связей, был известный американский исследователь культуры поздней античности и раннего средневековья Питер Браун¹. Как и большинство современных исследований, посвященные агиографии работы П. Брауна – междисциплинарные. Они базируются на данных самых разных наук: истории религии, философии, искусства, а также теологии, медицины, архитектуры, военного дела и т. д.

Следующая важная тенденция в исследованиях средневековой святости и культов святых, возникшая в начале 80-х годов XX века, – это изучение святости через призму гендерного анализа². Число подобных исследований все возрастает. Диапазон подходов, которые применяются и историками, и литературоведами к агиографическим текстам, достаточно широк – здесь и стремление «вернуть женщин (а также мужчин³) в историю», сопоставить мужские и женские тексты, увидеть (или, наоборот, отвергнуть) гендерные особенности феномена святости, изучить механизмы властвования и вообще понятие власти в средневековом мире, особенно в сфере гендерных отношений⁴.

Поскольку гендерная история возникла в русле женских исследований, то вполне закономерно, что среди авторов, обратившихся в 80–90 гг. XX века к изучению гендерных аспектов агиографических текстов, до сих пор преобладали женщины. Однако в последнее время все больше мужчин-историков включаются в этот процесс (хотя до сих пор в подобных исследованиях сохраняется перевес в сторону изучения святых женщин, а не мужчин). В агиографических сочинениях мерovingской эпохи женщинам уделяется достаточно большое внимание, содержится информация, которую не найти в других источниках.

¹ См. например: *Браун П.* Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве / Пер. с англ.; Под ред. С.В. Месяц. – М., 2004.

² *Wemple S.* Women in Frankish Society. Marriage and the Cloister (500–900). – Philadelphia, 1981; *McNamara J.A.* A Legacy of Miracles: Hagiography and the Nunneries in Merovingian Gaul // *Women in Medieval World* / Eds. J. Kirshner and S. Wemple. – Oxford, 1985. – P. 36–52; *McNamara J.A., Wemple S.* The power of Women Trought the Family in Medieval Europe, 500–1100 // *Women and Power in the Middle Ages*. – Athens, London, 1988. – P. 83–101; *Schulenburg J.T.* Female sanctity: Public and Private Roles, ca. 500–1100 // *Women and Power in the Middle Ages*. – Athens, London, 1988; *Sainted Women of the Dark Ages* / Ed. and trans. by Jo Ann McNamara and John E. Halborg with Gordon Whatley. – Durham, London, 1992; *Dick Harrison.* The Age of Abbesses and Queens: Gender and Political Culture in Early Medieval Europe. – Lund, 1998; *Mooney C.M.* (ed.) *Gendered Voices: Medieval Saints and their Interpreters*. – Philadelphia, 1999, etc.

³ См., например: *Medieval Masculinities: Regarding Men in the Middle Ages* / Clare A. Lees, editor, with assistance of Thelma Fenster and Jo Ann McNamara. (Medieval Cultures; v. 7). – Minneapolis; London, 1994.

⁴ О важности переосмысления кажущихся на первый взгляд устоявшимися понятий «политика» и «власть» для исторических исследований см.: *Репина Л.П.* Гендерная иерархия и «власть женщин»: индивидуальный опыт в социальном контексте // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории* / Под ред. Л.П. Репиной – М., 2005. – № 10. – С. 140–166.

Как справедливо замечает американский профессор Джо Энн Макнамара, которая сегодня является признанным авторитетом в исследованиях, посвященных раннесредневековым женщинам, «... комплексное изучение житий святых женщин предоставляет нам достаточно информации, чтобы делать выводы... о статусе женщин в средневековом обществе, особенно внутри религиозного сообщества»¹. При всей значимости и необходимости подобных исследований их можно упрекнуть в определенной однобокости, поскольку святые-женщины рассматриваются изолированно от святых-мужчин. Исследователи данного направления приходят к выводу о наличии двух типов святости – женского и мужского, а также о гендерных особенностях агиографических текстов. В частности, как утверждает Сюзан Уэмпл², женщины, авторы житий, конструируют в своих текстах женский идеал святости.

Естественно, что святые-мужчины и мужская святость до последнего времени привлекали гораздо меньше внимания. Однако сегодня изучение представлений о мужественности (или маскулинности) прочно входит в сферу исследований средневековой истории. Мужчину, как и женщину, перестают рассматривать как универсальную, статичную категорию.

Историки гендерного направления с начала 90-х годов стали активно применять теорию и методы литературной критики при анализе агиографического материала. Исследования, использующие такой подход, сфокусированы на том, как в житиях конструируются различные формы святости и их гендерные особенности. Другой аспект изучения состоит в выяснении различий восприятия агиографических текстов женской и мужской аудиторией.

Одна из наиболее интересных работ принадлежит перу канадского историка Джона Китчена. Его книга «Жития святых и риторика гендера: мужчина и женщина в меровингской агиографии»³ являет собой своеобразный вызов тем выводам и утверждениям, которые содержатся в трудах женщин-исследователей, изучавших раннесредневековую житийную литературу меровингской эпохи. Китчен сравнивает и анализирует жития святых мужчин и женщин, написанные и мужчинами и женщинами, пытаясь осмыслить их, по его словам, исходя из средневековых представлений, а не из современных точек зрения.

В конце концов историк приходит к заключению, что описание женского и мужского типов святости раннесредневековыми авторами не зависит от их гендерной принадлежности. Попытка Китчена стереть различия между образами святых мужчин и женщин обусловлена его замечаниями в предисловии о том, что «гендер» – категория современная, ее не существовало в средние века, поэтому она не имеет никакого отношения к средневековым авторам-мужчинам и авторам-женщинам. Действительно, нельзя подходить к изучению представлений людей прошлых эпох с позиций современных реалий. Однако тот факт, что средневековый человек не был знаком с термином гендер, не опровергает воз-

¹ *McNamara J.A.* A Legacy of Miracles: Hagiography and the Nunneries in Merovingian Gaul // *Women in Medieval World* / Eds. J. Kirshner and S. Wemple. – Oxford, 1985. – P. 36–37.

² *Wemple S.* *Women in Frankish Society. Marriage and the Cloister (500–900)*. – Philadelphia, 1981.

³ *Kitchen J.* *Saints' Lives and the Rhetoric of Gender: Male and Female in Merovingian Hagiography*. – N. Y.; Oxford, 1998.

возможности использовать гендерный анализ, поскольку мужчины и женщины существовали во все эпохи.

Безусловно, книга Джона Китчена представляет собой веху в историографии раннесредневековой святости. Заслуживает внимания его сравнительный анализ образов святых мужчин и женщин, создаваемых авторами агиографических сочинений. Использование методов литературной критики также, вне всякого сомнения, является ценным для современного историка. Однако позиция автора в отношении возможностей применения гендерного анализа, на мой взгляд, очень спорна.

В целом можно сказать, что в западноевропейской и североамериканской историографиях в настоящее время велик интерес к феномену святости и культурам святых, а диапазон подходов и методик разнообразен.

Интерес к латинской агиографии для изучения социальной истории относительно новый для отечественных медиевистов. Изучение этого феномена с точки зрения широкого историко-культурного и социально-политического контекста прослеживается к концу 90-х годов XX века в работах пока немногих исследователей – Ю.Е. Арнаутовой¹, М.П. Омельницкого², М.Ю. Парамоновой³, А.Г. Суприянович⁴, Н.Ф. Ускова⁵. При этом, несмотря на скромный, по сравнению с зарубежными, список современных отечественных исследований, в них в короткий срок усвоены основные достижения, а также намечены новые грани исследований – например, в сфере сравнительного изучения феномена святости в Латинской Европе и Древней Руси⁶.

Summary

N.Yu. Bikeeva. The conceptions of the early medieval sanctity in the modern historiography.

The author analyzes the modern historiographical approaches to the study of the phenomenon of early medieval sanctity. New methodology and methods of analyzing of this problem depend on new views on political, cultural, religious and social history. Also linguistic, semiotic and gender methods of historical researches influenced on the studying early medieval sanctity. The author concludes that modern Russian historiography also has rich opportunities and will give good results.

Поступила в редакцию
18.09.06

Бикеева Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета.

¹ См.: Арнаутова Ю.Е. Житие как духовная биография: к вопросу о «типическом» и «индивидуальном» в латинской агиографии // Диалог со временем. – М., 2001. – Вып. 5.

² См.: Омельницкий М.П. Образ святого в англосаксонской литературной и агиографической традиции. – М., 1997.

³ См.: Парамонова М.Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. – М., 2003.

⁴ См.: Суприянович А.Г. Стать святой... женщиной: к проблеме репрезентации образа св. Дуселины // Адам и Ева. – М., 2003. – № 5. – С. 56–77.

⁵ См.: Усков Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. Германские земли II / III – середины XI в. – СПб., 2001.

⁶ См.: Парамонова М.Ю. Указ. соч.